

Научная статья

УДК 393.05.94; 394.268.3

DOI 10.25205/2307-1737-2021-2-273-296

**Похоронно-поминальные причитания
мордвы-эрзи Залесовского Причумышья:
функционально-семантический аспект**

Павел Сергеевич Шахов¹

Игорь Васильевич Зубов²

^{1,2} Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

² Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия
Саранск, Россия

¹ pashahoff@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2023-8185>

² komoro@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2836-7969>

Аннотация

На основе полевых материалов производится описание в обрядовом контексте и анализ эрзянских похоронно-поминальных причитаний *лайшемат*, записанных в селах Залесовского района Алтайского края. Составленный корпус сибирских текстов эрзянских причитаний в разновременных записях позволил оценить материалы с точки зрения описания обрядового контекста и обстоятельств исполнения. В этом отношении наиболее представительными оказались аудиозаписи 2008 и 2017 гг., выполненные в с. Борисово в том числе методом включенного наблюдения. Описания похоронно-поминальных ритуалов с использованием устных источников и сами поэтические тексты причитаний (похоронный «плач полотенца» *лайшема нардамунь*; поминальный плач, исполняемый на 40-й день перед «проводом души»), представленные в приложении к статье, позволили в некоторой степени реконструировать представления но-

© Шахов П. С., Зубов И. В., 2021

ISSN 2307-1737

Критика и семиотика. 2021. № 2. С. 273–296
Critique and Semiotics, 2021, no. 2, pp. 273–296

сителей традиции о смерти, посмертном существовании и загробном мире, описать обрядовые коды (акциональный, предметный, персональный, временной, пространственный), определить их обрядовые функции, а также установить некоторые параллели на сюжетно-тематическом уровне с автохтонными эрзя-мордовскими традициями, являющимися «материнскими» для мордвы Залесовского Причумышья.

Ключевые слова

эрзя-мордовские причитания, похоронный обряд, поминальные ритуалы, обрядовые коды, обрядовые функции, автохтонные и переселенческие фольклорные традиции

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-10113 «Фольклор автохтонных и переселенческих традиций народов Поволжья в современных записях и исторической динамике: интерактивный атлас звучащих текстов»)

Для цитирования

Шахов П. С., Zubov И. В. Похоронно-поминальные причитания мордвы-эрзи Залесовского Причумышья: функционально-семантический аспект // Критика и семиотика. 2021. № 2. С. 273–296. DOI 10.25205/2307-1737-2021-2-273-296

Funeral and Memorial Lamentations of Erzya Mordvins of Zalesovskoe Prichumyshe: Functional and Semantic Aspect

Pavel S. Shakhov¹

Igor V. Zubov²

^{1,2} Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

² Research Institute of the Humanities
Saransk, Russian Federation

¹ pashahoff@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2023-8185>

² komoro@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2836-7969>

Abstract

This paper describes and analyzes funeral-memorial lamentations (*layshemat*) recorded in the villages of the Chumysh river area in the Zalesovsky district of Altai Krai. The corpus of Siberian texts of Erzya lamentations recorded at different times was compiled, making it possible to evaluate the materials by describing the ritual

context and the performance circumstances. The most representative proved to be the audio recordings made in the village of Borisovo in 2008 and 2017 when the method of participant observation was used. The descriptions of funeral-memorial rituals using oral sources and poetic texts of lamentations allowed reconstructing to some extent the bearers' ideas about death tradition, the afterlife, and the afterworld. Also, a description of the ritual codes (actional, objective, personal, temporal, spatial) was made, with their ritual functions determined. Moreover, the author has succeeded in establishing some parallels on the subject-thematic level with the autochthonous Erzya-Mordovian traditions, which are “maternal” for the Erzya Mordvins of Zalesovskoe Prichumyshe. The texts of funeral “lament of the towel” *layshema nardamun'* and funeral lament sung on the 40th day before the “parting of the soul” are provided in the Appendix.

Keywords

Erzya-Mordovian lamentations, funeral ritual, memorial rituals, ritual codes, ritual functions, autochthonous and migratory folk traditions

Acknowledgements

The study was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (project no. 19-78-10113 “Folklore of Autochthonous and Migratory Traditions of Volga Region Peoples in Modern Records and Historical Dynamics: An Interactive Atlas of Audio Texts”)

For citation

Shakhov P. S., Zubov I. V. Funeral and Memorial Lamentations of Erzya Mordvins of Zalesovskoe Prichumyshe: Functional and Semantic Aspect. *Critique and Semiotics*, 2021, no. 2, pp. 273–296. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1737-2021-2-273-296

На территории Залесовского района Алтайского края на протяжении XIX–XX вв. сформировался переселенческий ареал с компактным проживанием мордовского населения. В северных и северо-восточных районах Барнаульского округа мордовские переселенцы образовывали моноэтнические и смешанные поселения [Овчарова, 2004]. Таким образом в зоне Причумышья сформировалось два мордовских региона – эрзянский, образованный вокруг с. Борисово (пос. Никольский, с. Пещерка, включая ныне исчезнувшие населенные пункты – д. Кочегарка и пос. Пыхтарь), и мокшанский (сёла Камышенка, Думчево, пос. Инюшово и др.), центром которого стало село Малый Калтай [Овчарова, 2010, с. 41–44].

Состав эрзянских переселенцев с точки зрения исходных традиций не является однородным. По архивным данным [Там же, с. 150–151], только за период с 1860 по 1900 г. в с. Борисово и пос. Никольский прибыли переселенцы из трех губерний (Пензенской, Симбирской и Самарской) – ныне

Большеберезниковского (сёла Гузынцы, Дегилёвка, Шугурово, Косогоры), Чамзинского (сёла Малое Маресево, Мокшалай) и Кочкуровского (сёла Подлесная Тавла, Напольная Тавла) районов Республики Мордовия, а также Бугурусланского района (с. Нойкино) Оренбургской области. Длительность совместного проживания эрзя-мордовских переселенцев обусловили специфику и особый тип общности в социокультурной организации жителей алтайских сёл, что привлекало внимание многих исследователей (историков, этнографов, фольклористов).

Настоящая статья посвящена описанию в обрядовом контексте и анализу эрзянских похоронно-поминальных причитаний, записанных в сёлах Залесовского района Алтайского края. Полевые исследования залесовской мордвы-эрзи, проводимые в 1975 и 1986 гг. научными сотрудниками МНИИЯЛИЭ при Совете Министров МАССР (ныне Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия), среди обрядов жизненного цикла зафиксировали в том числе бытование развитой свадебной обрядовой традиции, что отмечено в отчетах собирателей. В. П. Тумайкин пишет, что «на данной территории бытовали и бытуют такие элементы, которые не нашли отражения в этнографической литературе»¹. При этом материалы 2000-х гг., зафиксированные в результате совместной работы Новосибирской государственной консерватории им. М. И. Глинки и Института филологии СО РАН, демонстрируют помимо сохранности свадебной традиции активную фазу бытования похоронно-поминального комплекса. В настоящее время свадебный обряд претерпевает ряд изменений, например редуцирование отдельных жанровых сфер (свадебных причитаний) [Шахов, 2015, с. 13]. При этом похоронно-поминальные ритуалы в настоящее время повсеместно функционируют и составляют существенную часть жизни данной локальной этнической группы [Леонова, Шахов, 2020, с. 199].

Практика домашних отпеваний и поминовений

Распространенные домашние отпевания / поминовения включены в комплекс похоронно-поминальных ритуалов залесовской мордвы-эрзи. Если на похоронах молитвы исполняются всеми присутствующими (родствен-

¹ Отчет об этнографических экспедициях сектора археологии и этнографии МНИИЯЛИЭ, проводимых в 1975 году научным сотрудником сектора Тумайкиным В.П. Рукопись. Научный архив НИИ ГН при Правительстве Республики Мордовия. И-905. Л. 22.

никами, соседями, односельчанами), которые приходят без приглашения, то на поминки специально приглашают «читалку» и женщин. Поминальные ритуалы с чтением и пением молитв совершаются в доме покойного в день похорон, на 9-й и 40-й день после смерти, полгода и далее каждые полгода до трех лет. По сведениям информантов, некоторые жители проводят поминки каждый год на протяжении многих лет подряд. Не анализируя подробно характеристики частотности в проведении поминок, ясно, что поминальные дни особым образом структурируют временное пространство сельского социума: «Пять гробов вынесла из дому <...> 33 поминки делала» (Н. Я. Куманькина, 1935 г. р., пос. Никольский, 2008).

В целом заместительная практика народных отпеваний, появившаяся в советское время в связи с невозможностью осуществления церковной службы, весьма распространена в традиционной культуре различных регионов – в Саратовском Поволжье [Левкиевская, 2018; 2019], Владимирской области [Данченкова, 2003], на территории Сибири [Жимулёва, 2008; Леонова, Шахов, 2020] и др. Бытование христианских хоровых традиций также отмечено в мордовском фольклоре, причем изучение христианских певческих традиций в мордовском быту отнесено к актуальным и почти неизученным вопросам [Бояркина, 2011, с. 367].

Исследуемая практика домашних отпеваний / поминовений залесовской мордвы-эрзи состоит, с одной стороны, из читаемых и интонируемых молитв заупокойной службы (с опорой на книжные тексты псалтыри), с другой стороны, из жанров устной фольклорной традиции – духовных стихов, исполняемых на русском языке, и традиционных эрзянских плачей (*лайшемат*). Предварительные описания и исследования похоронно-поминального комплекса залесовской мордвы-эрзи, в особенности полевые материалы, записанные методом включенного наблюдения (поминальные службы на 9-й и 40-й дни, зафиксированные соответственно в 2008 и 2017 гг.), позволяют охарактеризовать обрядовый комплекс как органичный сплав элементов православной и народно-архаической культуры, устной и письменной традиции, а также различных языковых явлений (устный вариант церковно-славянского языка, язык духовных стихов, эрзя-мордовский язык традиционных плачей) [Леонова, Шахов, 2020, с. 210].

Традиционные эрзянские причитания

Корпус текстов эрзянских причитаний составляют разновременные материалы, записанные в сёлах Залесовского района Алтайского края (Борисово, Пещерка) в 1986, 2008 и 2017 гг. Некоторые тексты 1986 г. взяты

нами из опубликованного источника, где они представлены без переводов, но с нотировками автора [Лобанов, 2008]. Важно отметить, что в настоящее время считается утерянной часть аудиокolleкции сибирских материалов, где записаны в том числе и похоронные причитания. Частично записи текстов сохранились в рукописных материалах собирателя В. Б. Русаякина и хранятся в Научном архиве НИИГН при Правительстве Республики Мордовия².

Следует отметить, что практически ко всем сибирским текстам 1986 г. записи отсутствуют комментарии этнографического характера, в связи с чем затруднительно определить их обрядовый контекст и обстоятельства исполнения³. Материалы полевых исследований 2000-х гг. со значительным количеством устных источников, включающих комментарии информантов, позволили рассмотреть исследуемый жанр причитаний в контексте похоронно-поминального комплекса. При этом особое значение имели причитания, непосредственно связанные с обрядовыми действиями, которые отражены в поэтических текстах⁴. Так, традиционные эрзянские плачи *лайшемат* исполняются плакальщицей (иногда функцию плакальщицы совмещала «читалка», ведущая домашнюю службу) дважды:

² Русаякин В. Б. Фольклорный материал, собранный во время фольклорно-музыкальных экспедиций (1983–1986 гг.) в мордовские населенные пункты Сибири. Ч. 1. Рукопись. Научный архив НИИ ГН при Правительстве Республики Мордовия. Л-837. 152 л.

³ В целом жанр похоронных причитаний является довольно закрытой системой с высокой степенью приуроченности, поэтому исследователям в рамках интервьюирования удается записать лишь фрагменты плачей, оторванные от процесса их естественного бытования. Поэтому зафиксированные таким образом музыкально-поэтические тексты, могут значительно отличаться по своей поэтике и музыкально-стилевым характеристикам. Это относится не только к сибирскому корпусу текстов похоронных причитаний, но и к похоронно-поминальным плачам, записанным на территории Мордовии, большая часть которых имеет «послесобытийное» происхождение: исполнительницы «...всё более “входя в роль”, начинают плакать и причитать по-настоящему. Поэтому сам текст (поэтический и музыкальный) становится всё более импровизационным, часто прерывается междометиями, всхлипами, восклицаниями и плачем» [УПТМН, 1972, с. 361].

⁴ Кроме причитаний, строго приуроченных к конкретным обрядовым ситуациям, в традиции бытуют также причитания со свободно импровизируемым текстом: «А мы – жалость свою рассказываем. Я свои слова рассказывала, жалости, как жалко мне было, как вырастила, как маленькая была. <...> Голос один, а слова не такие, другие» (Понятайкина А. Н. 1926 г. р., с. Борисово, 2011).

1) в день похорон во время поднятия плакальщицей полотенца с тела покойного в доме умершего перед выносом тела (см. приложение, текст № 1) – *лайшема нардамусь* (эрз. ‘плач полотенца’);

2) на 40-й день после домашней поминальной службы и поминального обеда перед проводом души покойного (см. приложение, текст № 2) – [*ойме ильтема*] (эрз. ‘душу провожать’).

Описания похоронных и поминальных ритуалов с использованием устных комментариев исполнителей и сами поэтические тексты причитаний помогают в некоторой степени реконструировать представления носителей традиции о смерти, посмертном существовании и загробном мире.

Плач полотенца. В первый день после смерти поперек тела покойного или гроба в области пояса стелили новое белое (или вышитое) полотенце (эрз. *нардамо*). В день похорон после чтения 17-й кафизмы перед чтением «Канона» необходимо поднять / снять полотенце. Плакальщица подходила к покойному с причетом (эрз. *лайшема*), брала полотенце, надевая себе на шею (см. приложение, текст № 1). После причитаний также вешала полотенце одной из родственниц (старшей дочери, сестре), которая использовала его до 40 дня [Леонова, Шахов, 2020, с. 204].

С одной стороны, полотенце символизирует тяжесть грехов умершего: «Это же не просто полотенце, как бы тяжесть какая-то. То, что она [покойная] натворила за свою жизнь» (Смольянова Г. А., 1946 г.р., с. Борисово, 2011). В текстах причитаний полотенце также наделено качеством тяжести: «Потом говоришь вот, примерно, покойник три дня лежит: “Третий день у тебя эта тяжесть-то лежит на тебе, надо снять её”» (Сатункина М. Ф., 1927 г. р., с. Пещерка, 2011); фрагмент текста *лайшема нардамунь* (см. приложение, текст № 1):

Ванынь, ванынь лангызыт –
Стака сталмининь аште.
Кяминь зурцум кундаса
Кыргиневаны гаяза.

Декасова А. И., 1923 г. р.,
с. Борисово, 2008

Смотрела, смотрела на тебя –
Тяжелая тяжесть стоит.
Десятью пальцами возьму
На шейку накинугу.

Перевод И. В. Зубова

С другой стороны, само действие, связанное с поднятием полотенца и передачей его родственнице, является символическим актом помощи, поддержки умершего в пути на «тот свет»: «...Которая причитает, та вроде поможет вот эту тяжесть снять с неё [с покойной] и поделить с однокров-

ным – надо чтобы однокровный человек был. Который читает, – он не всегда может быть родственником быть, чужим человеком может быть – и вот этот чужой человек поднимет, когда на покойнике полотенчик и оденет на шею родственнику, но однокровному» (Смолянова Г. А., 1946 г. р., с. Борисово, 2011).

В поэтических текстах причитаний отражаются представления этнофоров о хождении души на «том свете» (*'тоначи'*) в течение 40 дней после смерти. При этом полотенце как атрибут выполняет функцию помощника и защиты в сложном пути с препятствиями природного (широкая река, густой лес, высокая жгучая крапива, колючие деревья боярышника) и сверхъестественного (дурман, столб огня) происхождения. Полотенце можно «положить», «кинуть» мостом, чтобы пройти через реку, им можно «окутаться», защитившись от крапивы / дурмана, холстом можно «брызнуть», чтобы погасить огонь (подробнее об этом см. [Леонова, Шахов, 2020, с. 205]).

Мотив переправы через реку, связанный с символикой преодоления преграды, границы между миром живых и миром мертвых также встречается в автохтонной эрзя-мордовской традиции, являющейся «материнской» для Сибири (с. Косогоры Большеберезниковского района Мордовии), где в качестве водной границы выступает «Чёрное море»⁵, а также упоминается белый платок и шелковое полотенце:

Колмоце, авкай,	А третий святой-то, матушка,
Седей корязот аракшнось,	Против сердца твоего встал,
Санзе валдо ойминеть.	Взял он светлую душу твою.
Ашо паця потс тапардызь,	В белый платочек завернул ее,
Пижень лавськентень путокш-	В медную зыбку положил,
нызь,	
Шелковой нардами вельтякш-	Шелковым полотенцем они на-
нызь,	крыли её,
Черное моря крайс кандокшнызь	На берег Черного моря отнесли,

⁵ Море как преграда на пути покойного в загробном мире также упоминается в ряде фольклорных текстов [Мордовская мифология, 2020, с. 224, 328], а также встречается в текстах заговоров, в том числе в качестве «исцеляющей субстанции» [Там же, с. 30, 296, 855], в космогонических мифах [Там же, с. 912] и преданиях о мордовском царе Тюште (уход за море) [Там же, с. 284, 738].

Черной морясо шлякшнызь-нар- В Черном море искупали-об-
дакшнызь, мыли,
Нишке пазонтень кустекшнызь. К богу Нишке ⁶ подняли ее.
[УПТМН, 1972, с. 42, 46].

Водная преграда как граница миров – распространенный мотив в ритуалах и поверьях многих славянских народов (русских, украинцев, белорусов, болгар, сербов, черногорцев, македонцев) [Плотникова, 2009]. В погребальных ритуалах актуализируется идея о местонахождении «того света» за водной границей, которую должна преодолеть душа покойного. В описаниях также упоминается «полотно», используемое для символической переправы: в Полесье усопшего сверху накрывают полотном, полагая, что по нему покойник (или его душа) будет переправляться через воду на «том свете», переплывать через реку [Там же, с. 11].

В причитаниях сибирской мордвы-эрзи полотенце также представляется в виде лестницы: «*Нардамо* [эрз. полотенце] мы ложим на покойника. *Нардамо* как лестница. Как лестница = Какы-ы это, написано. Душа поднимается же по лестнице туда. Полотенце – как лестница» (Буянкина М. Е., 1946 г. р., с. Борисово, 2017). В таком случае появляется вертикальное направление пути ⁷, что также отражается в поэтических текстах причитаний (текст № 1):

О, тяти вядинизчи ютаве
Мастыр ды менилис кустима.

Декасова А. И., 1923 г. р.,
с. Борисово, 2008

О, здесь по воде проходит
С земли и к небу лестница.

Перевод И. В. Зубова

Вертикальная линия пути так же представлена в «материнской» традиции (с. Косогоры Большеберезниковского района Мордовии), при этом аналогом лестницы выступают «провода» и «волосинка»:

⁶ Нишкепаз (Нишке, Инешкипаз) – верховный бог мордвы-эрзи [Мордовская мифология, 2020, с. 646].

⁷ «Лестница» как обрядовая реалья отмечена в ритуалах сорокового дня у русских на территории Воронежской губернии: «испеченную из хлебного теста лестничку о трех ступенях» за воротами дома ставили на стул или скамейку, покрытую платком «в это время душка покойного идет на небеса по невидимой лестнице» (цит. по: [Толстая, 1999, с. 167]).

Кузят Нишке пазонтень, Уськень кувалт кузема, Чернень кувалт кунцема. Бути ули спасенот, Чождынька уш отвечамс. [УПТМН, 1972, с. 43, 47]	Поднимешься к Нишке-богу, По проволоке заберешься, По волосинке проберешься к нему. Если есть там у тебя заступники, Легко будет отвечать.
---	--

Конечной целью пути в сибирских текстовых вариантах является дверь на небе / за облаками («О, кода пачкидят пеляс тонь гяньшинть удало» ‘О, как доберешься ты за небесную дверь’), которую нужно открыть («Ох, пачкидят, ох, панжсак» ‘Ох, доберешься, ох, откроешь’), за которой находится Вечная жизнь. В другом варианте текстового пересказа причитания в конце пути стоит стол, за которым сидят «Пресвятая Богородица и Бог Иисус Христос»: «И, вот, подходишь к им, кланяешься и свои грехи рассказываешь – *грехеть ёвтнесыть* <...> *Молень столят, боказ крёст, теят конязыт* [пер.: Подойди к столу, перекрестись, поклонись] и поклонись Иисусу Христу и святой Божией Матери и куда он направит – на праведный суд или на ад кромешный» (Лапова А. Ф., 1939 г. р., с. Пещерка, 2011).

Таким образом, в акционально-обрядовом комплексе и сюжетно-мотивном ряду, связанном с полотенцем, сформировалось смысловое поле, наделяющее полотенец определенными качествами (тяжесть грехов, разделение тяжести с родственниками, оберег и защита) и функциями, связывающими горизонтальный и вертикальный уровни пространства (мост, лестница). В любом случае «полотенец» как обрядовый предмет и художественный образ связано с семантикой помощи, облегчения перехода умершего на «тот свет» (*тоначи*). Семантика помощи и облегчения также проявляется в некоторых акциональных и предметных формах похоронной обрядности алтайской мордвы-эрзи. Приведем два примера.

1. По данным 1975 г., перед выносом умершего из дома ловили курицу, завертывали в платок и через гроб подавали кому-либо из присутствующих (обычно одиноким женщинам или кто победней) – считалось, что с покойника снимается столько грехов, сколько перьев в курице (скорее

всего В. П. Тумайкин, описывающий данный ритуал, имел в виду д. Кочегарка, где ему удалось зафиксировать похоронный обряд)⁸.

2. Погребальные кресты в борисовской традиции отличаются наличием маленького крестика, расположенного поверх основного большого креста. Это объясняется тем, что покойному маленький крест легче «таскать»: «Как человек умрёт, стаа-рый или чё, ну, так, как сказать, а большой крест таскать надо [тяжело], а эта маленький – хорошо. Врут, дык я вру. Ранчи так говорили старухи» (Зорькина Л. Т., 1922 г. р., с. Борисово, 2008). В этом отношении кроме формы могильного креста также имел значение материал его изготовления: «Я всегда говорю: “Умру, мне, эта, железный [крест] не делайте. Таскать – я маленький. А железный-то – в воду тонешь. Ты как думаешь? Там, гырт [говорят], плавать надо. Плаваёт. Правда, нет? Так старухи рассказывали, и я рассказываю вам”» (Зорькина Л. Т., 1922 г. р., с. Борисово, 2008).

Проводы души. В исследуемой нами локальной традиции мордвы-эрзи Залесовского Причумышья после 40-дневной поминальной службы и поминальной обеда плакальщица⁹ садилась за убранный стол и причитывала, обращаясь к родственникам покойного (к супруге, детям), после чего все направлялись на кладбище провожать покойного (Паро, времясь сась ильтима! ‘Ладно, время пришло провожать’) – см. приложение, текст № 2. По сведениям этнографического характера, в с. Борисово после поминок на 40-й день хозяева «собирают сумку, чтобы с ней выйти “провождать” покойного к воротам. Выносят также воду и хлеб, которые стояли на столе в течение 40 дней. Все встают лицом к воротам и молятся. После молитв воду выливают в “чистое” место, а хлеб отдают курам, и близкие родственники идут на кладбище “провождать” душу умершего» [Мордва юга Сибири, 2007, с. 242].

Согласно верованиям мордвы, душа покойного сорок дней после смерти находится в доме, после чего «летит на суд к Богу» (см. «Душа» [Мордовская мифология, 2020, с. 278]). В восточнославянском ареале распространены названия поминок сорокового дня, производные от глагола

⁸ Отчет об этнографических экспедициях сектора археологии и этнографии МНИИЯЛИЭ, проводимых в 1975 году научным сотрудником сектора Тумайкиным В. П. Рукопись. НА НИИГН. И-905. Л. 28.

⁹ По сведениям информантов, на 40-дневную поминальную службу в качестве причитальщицы приглашалась та же женщина, которая читала *лайшема нардамусь* ‘плач полотенца’ в день похорон.

‘проводить’ (‘проводы души’, ‘проводить душу’ и пр.), связанные с представлением о вознесении души умершего, которая покидает этот мир на сороковой день после смерти [Агапкина, Виноградова, 2009, с. 285].

У многих финно-пермских народов распространены поминальные обряды с ритуальным заместителем умершего, в том числе на сороковой день после смерти. Такие ритуалы распространены и у мордвы как на европейской части России [Смирнов, 2002, с. 165–167], так и в исследуемом нами сибирском локусе Залесовского Причумышья, где ритуал сопряжен с обычаем «переодевать» / менять одежду покойному вечером накануне 40-дневных поминок: в с. Пещерка Алтайского края бабушки зажигали свечку в доме и шли в баню, после возвращения стирали, чистую одежду покойного давали одному из родственников, который мог уже с вечера переодеться¹⁰. В настоящее время в Пещерке на сороковой день после поминального застолья комплект одежды покойного просто оставляют на столе и отдают одному из родственников¹¹. Кроме того, в Пещерке на каждые поминки, в том числе на 40-й день, на стол кладут лишнюю ложку.

Л. С. Кавтаськин в 1936 г. в с. Мордовское Давыдово Кочкуровского района МАССР зафиксировал сведения о поминании матери на кладбище, где девушка должна была принести с собой платье, *руцю* (рубашку), лапти, платок и т. д., развесить их на крест, а по окончании – забрать с собой. При этом она причитывала, упоминая различные элементы женской одежды, которые полагалось поменять:

Эштё авакай полавцынь Ещё матушка поменяю
Пилькстыт карт тонь пракстат, На ногах твоих лапти и портянки,

¹⁰ «Топют и щас. Моются вся семья, как обычно <...> Перед баней, вот, раньше, которые бабки, свечку зажигали дома, перед баней, вот, перед сорок днями – свечку зажигали и потом в баню. Из бани, когда придёт чистая – его [покойника] переодеть надо <...> Вымылись в бане, вот, одежду дали. Может с вечера уже кто-то переоделся, кто вымылся, с вечера, если кто-то ночевать остался. Даже своим родственникам можно эту одежду отдать, он с вечера переоделся и всё» (Сатункина М. Ф., 1927 г. р., с. Пещерка, 2011).

¹¹ «А сейчас на стол [одежду] покладёт она <...> Примерно, положут [одежду] на стол. Покадят кадило. У нас, примерно, Мария [Лапова], у ей кадило. Она покадит ладаном, чем, и на столе. А потом, когда вот, обед пройдёт сорок дней и кому, своим отдадут [одежду] <...> одному [человеку] надо [отдать]» (Сатункина М. Ф., 1927 г. р., с. Пещерка, 2011).

Эштё авакай полавца
Прястут тонь палят ¹².

Ещё матушка сменю
С головы твоей платок.

Учитывая тесную связь одежды покойного с пребыванием его на «том свете», что подтверждается материалами Х. Паасонена ¹³, ритуал смены одежды является своеобразным знаком состоявшегося перехода умершего в загробный мир.

Таким образом, в эрзянских локальных традициях Залесовского Причумышья зафиксировано два акционально-предметных ряда, связанных с сорокадневными поминками: ритуал «проводов души», который предваряет традиционное причитание (с. Борисово) и «переодевание одежды покойного» с элементами ритуального заместителя умершего (с. Пещерка) ¹⁴.

Обрядовые функции и коды

Проводные ритуалы в целом характерны не только для обрядов жизненного цикла (похоронно-поминального и свадебного комплекса), но также для календарных праздников (проводы Масленицы, проводы Весны, проводы Пасхи и пр.). С точки зрения обрядовых функций наличие проводных концептов свидетельствует о завершающей стадии ритуала. В особенности это проявляется в обрядах перехода жизненного цикла (*les rites de passage*), в которых имеют место статусный (инициационно-ролевой) и пространственный (горизонтальный) переходы.

Рассмотренные залесовские эрзя-мордовские причитания усиливают предметный (полотенце) и акциональный (проводы души) кодовые ряды похоронно-поминального комплекса, сопровождая важнейшие обрядовые

¹² Научный архив НИИГН. Рукопись. Фонд Л-118. Л. 137.

¹³ На основе материалов, записанных у эрзян Самарской губернии (д. Вечканово), Х. Паасонен приводит слова, с которыми обращались к покойному перед его положением во гроб: «...Посмотри, вот твоя рубашка, вот твой пояс <...>, не ходи среди людей, не ходи раздетым, не отдавай свою одежду никому <...>» (пер. с нем. и эрз.) [*Mordwinische Volksdichtung*, 1939, с. 502].

¹⁴ Любопытно, что исследовательница похоронно-поминального комплекса Коми-Пермяцкого округа С. Ю. Королева пришла к выводу о том, что поминальные обряды с ритуальным заместителем умершего и пратейатральным поведением участников ритуала в русских «сорочинах» сложились под влиянием коми-пермяцких обрядовых практик. Вместе с тем «обряд проводов души с ритуальной трапезой в пограничном локусе» наиболее характерен именно для русского населения и носит в культуре коми-пермяков заимствованный характер [Королева, 2014, с. 73].

ситуации. Плач полотенца *'лайшема нардамусь'* фиксирует окончание открепительной стадии переходного ритуала и выполняет функции подготовки к предстоящему вертикальному переходу на «тот свет» (*'тоначи'*) и горизонтальному переходу (погребению). Причитание, исполняемое после 40-дневных поминок, завершает маргинальную стадию обряда перехода и предваряет ритуалы сегрегации (проводы души с хождением на кладбище). Похоронное и поминальное причитания направлены на обеспечение социально-статусного перехода и предшествуют горизонтальному переходу. Если рассматривать тексты причитаний с коммуникативной точки зрения как «диалог миров» [Анисимов, 2017], то основной формой высказывания является напутствие, наказ. В тексте *плача полотенца* напутствие адресовано умершему, а текст поминального причитания организован как наказ живым (см. таблицу).

Функционально-семантические характеристики эрзянских похоронно-поминальных причитаний Залесовского Причумышья
Functional and semantic characteristics of Erzya funeral and memorial lamentations of Zalesovskoe Prichumysh'ye

Параметры	Причитания	
	Плач полотенца (текст № 1)	Плач на 40-й день (текст № 2)
Жанровые подгруппы	Похоронное причитание	Поминальное причитание
Персональный код	Приглашенная женщина; «читалка»	
Акционально-предметный ряд	Сопровождает поднятие полотенца	Предваряет хождение на кладбище
Время	В день похорон, перед чтением «Канона»	На 40-й день, после поминального обеда
Локация	Сидя у гроба	Сидя за столом
Содержательный аспект	Помощь в освобождении от грехов, защита в пути на «тот свет»	Прощание с родными Проводы души
Коммуникативный аспект	Напутствие умершему	Наказ / приказ живым
Обрядовые функции	Открепительная стадия, подготовка промежуточных ритуалов	Маргинальная стадия, подготовка ритуалов сегрегации

Следует отметить, что после исполнения традиционных причитаний в обоих случаях (в день похорон и на сорокадневных поминках) исполняются духовные стихи: «Ой, вы, голуби, ой, вы белые», «Часы прощальные подходят» (перед выносом тела из дома), «Ой, вы, братья мои сёстры» (когда опускают в могилу), «Поминайте, братья, сестры» (после причитания на 40-дневных поминках перед проводами души)¹⁵.

Исполнение эрзянских причитаний, духовных стихов вместе с пением православных молитв составляют музыкально-драматургическое оформление похоронно-поминальных ритуалов исследуемой традиции. Поскольку тематика духовных стихов сосредоточена вокруг таких сюжетных элементов, как «расставание души с телом», «прощание с миром живых», «ответ души перед Богом», «поиск райских дверей», «страшный суд» и др., можно предположить наличие некоторых межжанровых связей духовных стихов и причитаний на сюжетно-тематическом уровне, сопряженном в том числе с библейской тематикой.

Высокая степень сохранности традиционных причитаний залесовской мордвы-эрзи, по всей видимости, обусловлена тесными связями причитаний с обрядовыми действиями, не утратившими своей функциональности, а также с инкорпорацией жанра причитаний в структуру домашних отпеваний и поминальных служб, которые прочно закрепились в социокультурной жизни локальной этнической группы до настоящего времени. Сохранность традиции похоронной причеты также обеспечивается возможностью смены ролевых функций участников обряда – в случае отсутствия причитальщицы «читалка» могла сама «поднять полотенчик» и исполнить причитание¹⁶, при этом некоторые «читалки» используют формы

¹⁵ Данный репертуар погребальных духовных стихов о посмертной душе является популярным во многих региональных традициях. Например, духовные стихи о расставании души с телом, её «мытарствах» до сорокового дня широко представлены в саратовской фольклорной традиции («Уж вы голуби», «Я лежу в могиле», «Вот теперь меня простите», «С другом я вчера сидел», «Сорок дней душа ходила») [Сверлова, 2006, с. 11], зафиксированы на территории Воронежской области («Все вы братья мои, сестры», «Прилетали два голубя» и др. [Духовные стихи Воронежского края, 2011, с. 139–156]), на Русском Севере («Как душа с телом расстается», «Расплачется душа моя», «О смерти» и пр. [Духовные стихи Русского Севера, 2015, с. 613–616]).

¹⁶ «...Когда родственники отказываются [причитать] или молодые остались одни, старые все умерли. И вот, она [С. В. Кудряшова] мне говорит: “Давай, Галя.

письменной самофиксации для разучивания традиционного текста причитаний (М. Е. Буянкина).

Известно, что в прошлом среди мордвы был развит институт плакальщиц, которые в зависимости от конкретного случая и объекта использовали определенный набор традиционных формул, основанных в том числе на оппозициях: женщина / мужчина, близкий / дальний родственник, молодой / старый человек. Даже фрагментарные параллели с автохтонной эрзя-мордовской традицией позволили наметить некоторые связи на сюжетно-тематическом уровне. Дальнейшее расширение сопоставительных материалов по «материнской» эрзянской традиции и подключение других аспектов анализа (изучение свадебных и рекрутских причитаний, музыкально-типологический анализ напевов) позволит определить устойчивые элементы причитаний на метажанровом уровне и выявить долю принадлежности сибирской переселенческой традиции к автохтонной.

Список литературы

Агапкина Т. А., Виноградова Л. Н. Проводы // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. П (Переправа через воду) – С (Сито). С. 284–286.

Анисимов Н. В. «Диалог миров» в матрице коммуникативного поведения удмуртов. Тарту: University of Tartu Press, 2017. 386 с.

Бояркина Л. Б. Христианские хоровые традиции в быту мордовского народа // Мордовская музыкальная энциклопедия / Под ред. Н. И. Бояркина. Саранск: Морд. кн. изд-во, 2011. С. 365–368.

Данченкова Н. Ю. Деревенский обычай «ходить по покойнику»: мирская православная традиция молений об умерших (Владимирская область) // Религиозный опыт народной культуры. Образы. Обычаи. Художественная практика. М.: Гос. ин-т искусствознания, 2003. С. 173–225.

Духовные стихи Воронежского края / Подгот. текстов и сост. Т. Ф. Пуховой, Т. В. Мануковской, А. А. Чернобаевой. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2011. 284 с. (Афанасьевский сборник. Материалы и исследования. Вып. 10)

Я тебя научила, как читать псалтырь, ты теперь попричитай”. Вот, иногда я поднимаю полотенчик» (Г. А. Смольянова, 1946 г. р., Борисово, 2011).

Духовные стихи Русского Севера / Сост. В. П. Кузнецова; сост. нот. прилож. Г. В. Лобкова, М. Н. Шейченко. Петрозаводск: Изд-во Карел. науч. центра РАН, 2015. 800 с.

Жимулёва Е. И. Православная и фольклорная певческие традиции: проблемы взаимодействия: Дис. ... канд. искусствоведения. Новосибирск, 2008. 258 с.

Королева С. Ю. Обряд «проводов души» с ритуальным заместителем умершего (материалы русско-коми-пермяцкого пограничья) // Антропологический форум. 2014. № 23. С. 52–76.

Левкиевская Е. Е. «Отпевальные» тетради украинцев Самойловского района: жанровый состав и пути их формирования // Живая старина. 2018. № 1. С. 21–25.

Левкиевская Е. Е. Литературные тексты в традиционном погребальном обряде украинцев Саратовской области // Przegląd gusycystyczny (Русское обозрение). 2019, no. 1 (165), pp. 149–160.

Леонова Н. В., Шахов П. С. Похоронный фольклорно-этнографический комплекс как обрядовый текст (на примере локальной эрзя-мордовской традиции сибирского бытования) // Критика и семиотика. 2020. № 2. С. 191–219. DOI 10.25205/2307-1737-2020-2-191-219

Лобанов М. А. Традиционные напевы южносибирской мордвы (песни, причитания) // Финно-угорские музыкальные традиции в контексте межэтнических отношений: Сб. науч. тр. / Отв. ред., сост. Н. И. Бояркин. Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 2008. С. 343–393.

Мордва юга Сибири / Л. И. Никонова и др.; под ред. В. А. Юрчёнкова, Л. И. Никоновой. Саранск, 2007. 312 с.

Мордовская мифология: Энциклопедия / Науч. ред. В. А. Юрчёнков, Г. А. Куршева и др. Саранск: НИИГН, 2020. 1020 с.

Овчарова М. А. История мордовской диаспоры на территории Залесовского Причумышья: традиции и новации // Залесовское Причумышье: очерки истории и культуры / Под ред. Т. К. Щегловой. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2004. С. 34–57.

Овчарова М. А. Мордва Алтая: история и этнокультурные процессы (XIX – начало XXI века) / Отв. ред. И. В. Октябрьская. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. 227 с.

Плотникова А. А. Переправа через воду // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. П (Переправа через воду) – С (Сито). С. 11–13.

Сверлова Е. Л. Погребальные духовные стихи Саратовского Поволжья как открытая полистилевая жанровая система: Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Саратов, 2006. 26 с.

Смирнов И. Н. Мордва: Историко-этнографический очерк / Вступ. ст. В. А. Юрчёнкова. Саранск: Красный Октябрь, 2002. 296 с.

Толстая С. М. Душа // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2: Д – К (Крошки). С. 162–167.

УПТМН – Устно-поэтическое творчество мордовского народа: В 8 т. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1972. Т. 7, ч. 1: Эрзянские причитания-плачи. 374 с.

Шахов П. С. Музыкально-фольклорные традиции мордвы Сибири (приуроченные жанры): Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Новосибирск, 2015. 27 с.

Mordwinische Volksdichtung. Gesammelt von H. Paasonen; herausgegeben und übersetzt von P. Ravila. Helsinki, Suomalais-ugrilainen seura, 1939. Bd. 2. 574 S.

References

Agapkina T. A., Vinogradova L. N. Provody [Send off]. In: Tolstoy N. I. (ed.) Slavyanskije drevnosti [Slavic antiquities]. Ethnolinguistic Dictionary. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2009, vol. 4, pp. 284–286. (in Russ.)

Anisimov N. V. “Dialog mirov” v matritse kommunikativnogo povedeniya udmurtov [“Dialogue of the Worlds” in the matrix of communicative behavior of Udmurts]. Tartu, Uni. of Tartu Press, 2017, 386 p. (in Russ., in Udmurt)

Boyarkina L. B. Khristianskie khorovye traditsii v bytu mordovskogo naroda [Christian Choral traditions in the Life of the Mordovian people]. In: Boyarkin N. I. (ed.) Mordovskaya muzykal'naya entsiklopediya [Mordovian Music Encyclopedia]. Saransk, Mordovian Book Publ., 2011, pp. 365–368. (in Russ.)

Danchenkova N. Yu. Derevenskiy obychay “khodit' po pokoyniku”: Mirskaya pravoslavnaya traditsiya moleniy ob umershikh (Vladimirovskaya oblast') [Village custom of “walking on the dead”: the Secular Orthodox tradition of prayers for the dead (Vladimirsky district)]. In: Religioznyy opyt narodnoy kul'tury. Obrazy. Obychai. Khudozhestvennaya praktika [Religious experience of folk culture. Images. Customs. Artistic practice]. Moscow, 2003, pp. 173–225. (in Russ.)

Dukhovnye stikhi Russkogo Severa [Spiritual Poems of the Russian North]. V. P. Kuznetsova (comp.), G. V. Lobkova, M. N. Sheychenko (comp. of mus.)

app.). Petrozavodsk, Publ. of Karelia Sci. Center of the RAS, 2015, 800 p. (in Russ.)

Dukhovnye stikhi Voronezhskogo kraja [Spiritual poems of the Voronezh Region]. T. F. Pukhova, T. V. Manukovskaya, A. A. Chernobaeva (comp.) Voronezh, 2011, 284 p. (Afanas'evskiy sbornik. Materialy i issledovaniya. [Afanasievsky collection. Materials and research]. Iss. 10). (in Russ.)

Koroleva S. Yu. Obryad “provodov dushi” s ritual'nym zamestitelem umer-shego (materialy russko-komi-permyatskogo pogranich'ya) [The rite of “soul-sending” with the ritual substitute of the deceased (materials of the Russian-Komi-Permian borderland)]. *Forum for Anthropology and Culture*, 2014, no. 23, pp. 52–76. (in Russ.)

Leonova N. V., Shakhov P. S. Funeral Folklore-Ethnographic Complex as a Ritual Text (On Example of the Local Erzya-Mordovian Tradition of Siberian Existence). *Critique and Semiotics*, 2020, no. 2, pp. 191–219. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1737-2020-2-191-219

Levkievskaya E. E. “Otpeval'nye” tetradi ukraintsev Samoylovskogo rayona: zhanrovyy sostav i puti ikh formirovaniya [“Funeral” notebooks of Ukrainians of Samoylovsky district: genre composition and ways of their formation]. *Zhivaya Starina [Living Antiquity]*, 2018, no. 1, pp. 21–25. (in Russ.)

Levkievskaya E. E. Literaturnye teksty v traditsionnom pogrebal'nom obryade ukraintsev Saratovskoy oblasti [Literary texts in the traditional funeral rite of the Ukrainians of the Saratov region]. *Russkoe obozrenie [Russian Studies Review]*, 2019, no. 1 (165), pp. 149–160. (in Russ.)

Lobanov M. A. Traditsionnye napevy yuzhnosibirskoy mordvy (pesni, prichitaniya) [Traditional melodies of the South Siberian Mordvins (songs, lamentations)]. In: Boyarkin N. I. (ed. and comp.) *Finno-ugorskie muzykal'nye traditsii v kontekste mezhetnicheskikh otnosheniy [Finno-Ugric musical traditions in the context of interethnic relations]*. Saransk, Mordovian Uni. Press, 2008, pp. 343–393. (in Russ.)

Mordovskaya mifologiya [Mordovian mythology]. Encyclopedia. Eds. V. A. Yurchenkov, G. A. Kursheva et al.. Saransk, NIIGN Press, 2020, 1020 p. (in Russ.)

Mordva yuga Sibiri [Mordva of the South of Siberia]. Eds. V. A. Yurchenkov, L. I. Nikonova. Saransk, 2007, 312 p. (in Russ.)

Mordwinische Volksdichtung. Gesammelt von H. Paasonen; herausgegeben und übersetzt von P. Ravila. Helsinki, Suomalais-ugrilainen seura, 1939, Bd. 2, 574 S. (in German, in Erzya)

Ovcharova M. A. Istoriya mordovskoy diaspory na territorii Zalesovskogo rayona [History of the Mordovian Diaspora in the Zalesovsky region]. In: Zalesovskoe Prichumysh'e: Ocherki istorii i kul'tury [Zalesovsky region of the Chumysh river: Essays on history and culture]. Ed. by T. K. Shcheglova. Barnaul, BSPU Press, 2004, pp. 34–57. (in Russ.)

Ovcharova M. A. Mordva Altaya: istoriya i etnokul'turnye protsessy (XIX – nachalo XXI veka) [Mordvinians of the Altai: history and ethno-cultural processes (the 19th – beginning of 21st century)]. Ed. by I. V. Oktyabrskaya. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2010, 228 p. (in Russ.)

Plotnikova A. A. Pereprava cherez vodu [Water crossing]. In: Tolstoy N. I. (ed.) Slavyanskije drevnosti [Slavic antiquities]. Ethnolinguistic Dictionary. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2009, vol. 4, pp. 11–13. (in Russ.)

Shakhov P. S. Muzykal'no-fol'klornye traditsii mordvy Sibiri (priurochennyye zhanry) [Musical and folk traditions of the Mordovians of Siberia]. Abstract of Cand. of Art Criticism Diss. Novosibirsk, 2015, 27 p. (in Russ.)

Smirnov I. N. Mordva. Hist. and ethnograph. essay. Saransk, Krasny Oktyabr' Publ., 2002, 296 p. (in Russ.)

Sverlova E. L. Pogrebal'nye dukhovnye stikhi Saratovskogo Povolzh'ya kak otkrytaya polistilevaya zhanrovaya sistema [Funeral Spiritual Poems of the Saratov Volga Region as an open polystyle genre system]. Abstract of Cand. of Art Criticism Diss. Saratov, 2006, 26 p. (in Russ.)

Tolstaya S. M. Dusha [Soul]. In: Tolstoy N. I. (ed.) Slavyanskije drevnosti [Slavic antiquities]. Ethnolinguistic Dictionary. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1999, vol. 2, pp. 162–167 (in Russ.)

Ustno-poeticheskoe tvorchestvo mordovskogo naroda [Oral and poetic creativity of the Mordovian people]. In 8 vols. Saransk, Mordovian Book Publ., 1972, vol. 7, pt. 1: Erzyanskije prichitaniya-plachi [Erzya lamentations], 374 p. (in Russ., in Erzya)

Zhimuleva E. I. Pravoslavnyaya i fol'klornaya pevcheskie traditsii: problemy vzaimodeystviya [Orthodox and folk singing traditions: problems of interaction]. Cand. of Art Criticism Diss. Novosibirsk, 2008, 258 p. (in Russ.)

Приложение

Тексты эрзянских похоронно-поминальных плачей
с. Борисово Залесовского района Алтайского края
в записи 2008 и 2017 гг.

Текст № 1. *Лайшема нардамунь* 'Плач полотенца'¹⁷

Ой, эсини зовень мон и гудува, Эсини зовень кардазга. Видь пелеви мон и вачтувинь – Ашти тосо, ды, тоначи. Кудус совень – тон ашти. Маладенц, [<i>кто умер, Галя, или как там</i>] Ох, мон молян боказы. Бойка мон зыргавлинь, Неинжа чут маладенцат горяви. Ишчо бойка молевень, Убогоить Галекат коленказым до- кави. Ванынь, ванынь лангызыт – Стака сталмининь аште. Кяминь зурцум кундаса, Кыргиневаны гаяза. Кода сыргат видечи доначив, Иля сырга видь кельга, Ягыда лопа тикшизэ. Иля сырга видь кельга, Пурьгини палакс тикшизэ. Сыргак видьцыты следнэвань. Пачкидят берёкта берёк, ох, ведне.	Ой, не заходила я домой, Не заходила во двор. В правую сторону я оглянулась – Стоит там тот свет. В дом вошла – ты стоишь. Младенец, [<i>кто умер, Галя, или как там</i>] Ох, я пойду к тебе под бок. Быстро я собралась бы, Видела же, что о младенце горюет. Еще быстро я бы пошла, Упокой Галю, до коленок трогает. Смотрела, смотрела на тебя – Тяжелая тяжесть стоит. Десятью пальцами возьму, На шейку накинута. Как соберешься вправду на тот свет, Не собирайся / ходи по правой сто- роне, Ягодные листы ее трава. Не собирайся / ходи по правой сто- роне, Крапива ее трава. Собирайся / иди прямо по следам. Доберешься к берегу, на берег, ох, к воде.
--	---

¹⁷ Текст причитания представлен с опорой на публикацию [Леонова, Шахов, 2020, с. 206–207] с некоторыми уточнениями.

Те нардамонть паце Каика пола, ой, зэдиникс, О, тяти вядинизчи ютаве Мастыр ды менилис кустима Таба кунинчи (кусти)ма. О, кода пачкидят пеляс тонь гянь- шинть удало, Иляс танда одгыды сядейнить, Иляк ризнака тельнить. Ох, пачкидят, ох, панжсак. Векавечнай, да, ажити, ды, ломане.	Это полотенце Брось-ка полу, ой, мостиком, О, здесь по воде проходит С земли и к небу лестница <...> О, как доберешься ты за небесную дверь, Не пугай своё сердце новым, Не печаль своё тело (себя). Ох, доберешься, ох, откроешь. Вековечной, да, умершим и людям.
Зап. Н. В. Леоновой и П. С. Шаховым от А. И. Декасовой 1924 г. р., с. Борисово, 2008 г.	Расшифровка и перевод И. В. Зубова

Текст № 2. Поминальный плач на сороковой день (проводы души)¹⁸

[Ужо], вайгель мон тарган, Ужо, мерян, сазырмак, стол валныть мон ёвтан. Ох, Гена, содамусь, мерян, А, кода кулыть, сзреть ведь уш лисьь, Аши [рунгос] тюжа ловажат ведь уш [венти]. Оштё мерян, Гена, содамось, А, родонь племань раськтне цёратне Тюжа-аши ловажат ведь кандысть А, тетеньдини, ой, Гена.	[Погоди], голос я подам (букв. достану) Погоди, скажу, сестрица, слова за столом я скажу. Ох, Гена, зять, скажу, А, как умер, рост твой вышел, Желтые кости тела белого [лежат]. Ещё скажу, Гена, зять, Родные родственники-мужчины Желтые-белые кости твои будут нести К батюшке твоему, ой, Гена.
---	---

¹⁸ Записано во время проведения сорокадневных поминок по мужу Геннадию (ум. 17 июля 2017 г.) в доме Екатерины Павловны Бояркиной (в дев. Нуязина) 1940 г. р. В качестве причитальщицы была приглашена Зоя Ивановна Камагайкина (в дев. Нуязина), являющаяся сродной сестрой вдовы покойного.

- Оймет пежить веть уш ливциник, Душу грешную твою ведь уж отпустим,
Оймет пежить, э, Пазынть икилив и Душу грешную, э, к Богу и проводим.
Оштё мерян, ой, Гена, Ещё скажу, ой, Гена,
А, лисимды мейли наказан, После проводов этих накажу,
А, эри ялга туртувга тень(и), Супруге твоей после этого,
Эри ялга туртув приказан: Супруге твоей прикажу:
– Иле, сазырмак, ёрто – Не бросай, сестрица моя
А, сон ведь Генань тьякатнинь, Ведь Гениных детишек,
Иле чаштэ Генань нуцькатнинь. Не отворачивайся от Гениных внуков:
<...>
- А, кенкши тортату, сэрнастэ тонгак
ведьбань чи,
Танти пелест, а, тон ведь норова
стол лангс тон пугыть.
Оштё мерян, сазырмак,
А, тонь ойметь мери – покш юмавк-
суньтэ юмавтат.
Ах, Олесь, тонь ведь, ой, жалесь,
А, покш вармадэ кекшнинзеть,
И пизи-и-мидэ, а, лапанзы алда
кирдниньзить.
Оштё мерян, Катя, сазырмак,
А, сола валнэсэ жалинзить,
Эзинзеть обежа сон ведь уж.
Ой, мерян, жабатне-цёратне,
Иленк обижа тынь аванк,
Якамок тынь ведь иленк кольгадэ,
А, ведь уж ней сон тыненк шкинть
авань, ведь тиринь
Течень кисэ, дэ, сон гадувсь.
- Аватне, больше а маштан. Паро,
время сась ильтема!
- Сладкий кусочек ты ведь с желанием на стол положи.
Ещё скажу, сестрица,
Душа твоя говорит – большую потерю ты несешь.
Ах, Ольга, твой, ведь, ой, любящий и заботливый человек.
От сильного ветра тебя прятавшая,
И от дождя ладонями своими тебя укрывавшая.
Ещё скажу, Катя, сестрица,
Ласковыми словами тебя она жалела,
Не обижала тебя ведь уж.
Ой, скажу, детишки-сыновья,
Не обижайте вы мать,
Ходите вы ведь не плача,
Ведь она теперь вам родимая матушка, ведь родная
Для сегодняшнего дня только она осталась.
- Женщины, больше не умею. Ладно,
время пришло провожать!

– Иля аварде, иля аварде!	– Не плачь, не плачь!
– Пек вадрятэ, семнадцать лет.
Пек авардыят! Пек вадрятэ.	– Очень хорошо, семнадцать лет
[вместе прожили]. Сильно плачешь!
Очень хорошо!
– Пек жаль сон монень!	– Очень жалко мне его!
– Пек жаль, парэ жизнь теть
макссь. Авардь, авардь.	– Очень жалко, хорошую жизнь те-
бе подарил. Плачь, плачь.

Зап. Н. В. Леоновой
от З. И. Камагайкиной 1939 г. р.,
с. Борисово, 2017 г.

Расшифровка и перевод
И. В. Зубова

Информация об авторах

Павел Сергеевич Шахов, кандидат искусствоведения
Игорь Васильевич Зубов, кандидат философских наук

Information about the Authors

Pavel S. Shakhov, Candidate of Sciences (Art Criticism)
Igor V. Zubov, Candidate of Sciences (Philosophy)

*Статья поступила в редакцию 09.05.2021; одобрена после рецензирования
11.06.2021; принята к публикации 12.07.2021*
*The article was submitted 09.05.2021; approved after reviewing 11.06.2021;
accepted for publication 12.07.2021*